

Валерий Каминский

Жизнь с турбонаддувом

«Научная библиотека»

2014

УДК 62-05
ББК 39.3

Каминский В. Н.

Жизнь с турбонаддувом / В. Н. Каминский — «Научная библиотека», 2014

ISBN 978-5-906660-14-5

Книга В. Н. Каминского «Жизнь с турбонаддувом» насыщена реальными событиями и персонажами. Это увлекательный рассказ умного, активного, очень современного человека о деле всей своей жизни в контексте прошлого, настоящего и будущего страны, судьбу которой он не отделяет от собственной судьбы. Автор словно ведет доверительный разговор на темы, близкие многим людям, и очень важные для наших соотечественников всех возрастов. Книга может быть интересна не только специалистам, но и широкому кругу читателей. Особенно полезно будет ее прочитать студентам технических вузов, избравшим инженерные профессии. Это позволит им познакомиться с многочисленными гранями предстоящей работы, зарядиться энергией и увлеченностью автора.

УДК 62-05
ББК 39.3

ISBN 978-5-906660-14-5

© Каминский В. Н., 2014
© Научная библиотека, 2014

Содержание

Об авторе и его книге	5
Жизнь с турбонаддувом	9
От автора	9
В деревню на праздники...	11
Красная Пресня	34
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Валерий Каминский

Жизнь с турбонаддувом

Об авторе и его книге

Название этой книги как нельзя лучше характеризует жизненный путь автора и свойства его натуры. Если бы меня спросили об особенностях личности Валерия Наумовича Каминского, с которым мы знакомы уже тридцать лет, я бы сказал, что это человек-дизель, форсированный турбонаддувом. За что бы он ни брался, всегда и всему придает ускорение и мощь. Стоит ли удивляться, что ему, до мозга костей технарю, удалось живо передать динамику собственной судьбы в переплетении с судьбами многих людей и целой страны. Я читал книгу с интересом. Во-первых, мы оба родились в Москве, он на Красной Пресне, я в Марьиной Роще. Несмотря на разницу в возрасте – он родился перед войной, я после, отношение к родному городу у нас одинаковое, мы оба любим Москву, будь она сталинская, хрущевская, лужковская или собянинская.

Родители на лето отправляли нас в деревню, и эти воспоминания, пожалуй, останутся особенно яркими по жизни. Дальше учеба. Нас не тянули за уши в вузы. Мы учились, твердо веря, что, несмотря ни на что, нам будет обеспечено рабочее место – отличникам по выбору, остальным по назначению. А дальше все зависело от самого себя. Об этом доходчиво и объективно рассказывается в книге.

В. Н. Каминский более полувека своей жизни посвятил созданию конкурентоспособной российской автомобильной и тракторной техники, ее сердцу – двигателю и продолжает тянуть эту лямку по настоящее время с прицелом на будущее. Непрестанный труд и неумное стремление идти вперед позволили ему внести весомый вклад в отечественное двигателестроение, упрямо следуя своей жизненной позиции, пройти сквозь времена перемен, падая и вставая, продолжить движение и создать образцовое производство турбокомпрессоров в городе Протвино. Понятно, что без соратников-сподвижников это сделать было бы невозможно. И в книге говорится о многих людях, с которыми Валерия Наумовича соединили жизнь, работа и борьба. Тем и интересна книга, что в ней без прикрас рассказывается обо всех перипетиях жизненного пути, избранного много лет назад автором, с которого он не намерен сворачивать.

Так пусть внутренняя турбина Каминского продолжает и дальше крутиться, набирая обороты!

И. А. Коровкин, кандидат экономических наук, исполнительный директор НП «Объединение автопроизводителей России», заслуженный машиностроитель Российской Федерации

Книга выдающегося ученого, двигателя Валерия Наумовича Каминского интересна как отражение его личной профессиональной судьбы и судеб большого числа замечательных людей, чьи мысли и труд легли в основу многих достижений в области отечественного двигателестроения. Вместе с тем автор словно вовлекает читателя в обсуждение множества тем, касающихся самых разнообразных сторон жизни нашего общества. Авторская оценка событий и их участников всегда яркая и самобытная.

Первые четыре части книги показывают, что Валерий Каминский с самого раннего возраста проявил себя как человек с явно выраженным творческим отношением к своей деятельности, патристическим настроем, активной жизненной позицией, стремлением к поиску новых решений. В последующих главах много интересного рассказывается о его работе, связанной с созданием новых видов техники, научных и проектных организаций и производств, о становлении и развитии собственного предприятия, ныне занимающего на постсоветском пространстве лидирующие позиции в области разработки и изготовления турбокомпрессоров. В этой плодотворной деятельности ярко засверкал талант В. Н. Каминского как исследователя, конструктора, менеджера, экономиста, организатора и

бизнесмена. В своей книге он честно и открыто рассказывает обо всем, что происходило и происходит в его «жизни с турбонаддувом».

Трудно однозначно определить жанр книги – она разнопланова по характеру изложения и по содержанию, но в этом и состоит ее ценность. Каждый раздел своеобразен, с первых же строк приковывает внимание, вызывает интерес живостью изложения, обилием информации, передает состояние и эмоциональный настрой автора. Говоря о прошлом, он не застревает в нем, а отталкивается от настоящего и заглядывает в будущее.

Н. А. Иващенко, доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой «Поршневые двигатели» МГТУ им. Н. Э. Баумана

Жизнь с турбонаддувом

От автора

Эта книга написалась как-то сама собой, правда не сразу, а за довольно длительный промежуток времени, начиная со сделанных мною еще в начале девяностых годов записей, которые я тогда показал своему другу Михаилу Львовичу Полячеку. Мне было очень важно его мнение как профессионального журналиста и талантливого литератора, который мог дать объективную оценку тому, что я делаю, и откровенно высказать свое мнение. Его заключение было такое, что это не графоманские упражнения, а интересные картины жизни и мне не следует бросать своей затеи, но востребовано все это может быть лишь лет через двадцать.

Делая записи, я не ставил целью поразить кого-то глубиной суждений и, уж тем более, похвастать достижениями, а стремился осмыслить то, что происходит вокруг, невольно оглядываясь на прошлое, и это становилось своего рода исповедью на заданные самой жизнью темы. Постепенно из разрозненных, вполне самостоятельных заметок, сложилась довольно целостная картина, отражающая мои сугубо личные представления о многих людях и фактах в контексте событий, участником которых мне довелось стать.

Не берусь определить жанр своей книги, но это точно не мемуары, поскольку обнаружение воспоминаний считаю прерогативой великих людей, к коим себя не отношу. К тому же, то, о чем здесь говорится, в равной степени имеет отношение к прошлому, настоящему, а иногда и будущему.

Если мой друг был прав, то указанное им время наступило, быть может, мои жизненные наблюдения и профессиональный опыт будут кому-то интересны и полезны, причем, надеюсь, не только близким мне людям, для которых я вел этот откровенный рассказ.

Я признателен всем, кто оказал мне поддержку при подготовке книги к изданию, и особо благодарен моей жене, другу и соратнику, Нине Николаевне Каминской, без которой вряд ли бы что-то получилось.

В деревню на праздники...

Праздники... Я почему-то с самого раннего детства не люблю праздники. Причиной этому была то ли реакция на разочарования, наступавшие после долгого ожидания чего-то хорошего, связанного с предстоящим торжеством, и неумением его организовывать в нашей семье, то ли какие-то мои повышенные запросы к этому понятию. А быть может, просто за многие годы советской власти у нас в стране в целом растерялась культура проведения праздников. Но для меня никакие общие или официальные праздники не становятся личными, даже собственный день рождения.

Для меня может стать праздником скорее какое-то неожиданное событие, которое приносит душевную радость, снимает давно таившуюся скорбь или боль. Так, например, каждый раз, когда я попадал в горы, будь то Кавказ или Алтай, и оказывался где-нибудь на снежной вершине или в каком-то горном ущелье, или около развалин горного монастыря с таким же красивым именем, как и любимый мой перевал Джвари, это для меня становилось настоящим праздником. То чувство радости и, я бы сказал, какого-то блаженства, которое охватывает при этом душу и потом надолго остается, у меня ассоциируется с понятием праздника. Наверное, этому есть другие названия и определения, но для меня это именно так.

Что же касается официальных праздников, или дополнительных дней отдыха, связанных с какими-то политическими датами или другими традициями, то их всегда переживаю как неприятную повинность, нежели как радостное событие. Меня страшно тяготят и необходимость выполнения мало кому нужных телефонных звонков со стандартными, банальными поздравлениями, и общепринятые застолья с однообразными тостами, и утомительная подготовка к этим мероприятиям. А главное, что в эти дни чувствую себя особенно одиноким и никому не нужным.

И все-таки, наверное, праздники необходимы. Только не политические, с парадами и бессмысленной демонстрацией каких-нибудь очередных достижений или в поддержку борьбы одних против других, а те, что из века в век жили в народных традициях, обуславливались ценностями, заложенными в основных религиях, и объединяли людей. Из всех такого рода праздников больше всего мне импонирует Пасха, которая, помимо ясной идеи победы добра и надежды, так необходимых всем нам, имеет очень четкие правила организации и взаимоотношений людей во время ее проведения. Мне нравится, что этот праздник обращен не к одному Богу, а и к людям, заставляет их вспомнить не только Всевышнего, но и своих близких, живых и ушедших.

Так уж сложилось, что Пасху мы обычно отмечали у тети Полины, маминой младшей сестры. Из всей нашей многочисленной родни, включая родственников жен, это сегодня единственная семья, которая пронесла веру через все испытания. К тому же, по-моему, никто лучше тети Полины не делает пасху и не печет куличи.

В этот раз тоже, как обычно, у нее собрались почти все мои родные и двоюродные братья и сестры со всеми своими чадами и домочадцами, живущими в Москве и ее пригороде. Засиделись допоздна, обсудили новости всех наших семейств, вспомнили отсутствующих, упомянули ушедших. Ну и, конечно, разговор не мог не подойти к тому, что нас всех объединяло, к истокам, откуда идут наши корни, а точнее к деревне Шишлово, родом из которой были оставшиеся старейшины нашего рода – мама и тетя Полина. Да и для всех нас, их детей и племянников, это также было родное место, где провели мы не одно лето, а главное, где похоронены наши предки. Как говорится, посидели хорошо, даже очень. По крайней мере, когда я предложил кончать трепаться, а собираться и ехать в деревню, меня дружно поддержали все братья и сестры, за исключением двоюродной сестры Шуры, которая, хотя и выпила с нами стопку водки, никакого отношения к нашему состоянию не имела. На место все поставила мама, ска-

зав, что она тоже давно хочет побывать в деревне, поэтому ехать нужно, но не сегодня, а, скажем, в ближайшие очередные праздники. На том и порешили.

Ближайшими праздниками были майские, целых четыре дня, два из которых можно было посвятить деревне. Накануне все приехали к нам в город Протвино, что на юге Московской области, поскольку он находится на полпути к нашей деревне, а утром двумя машинами мы двинулись в путь.

Первые сто километров дорога была очень хорошая и, обсудив раннее пробуждение и вчерашнее застолье, мои спутники один за другим постепенно задремали, а я невольно продолжал настраивать себя на предстоящую встречу с родной деревней, где не бывал уже больше десяти лет. Последний раз мы ездили туда с мамой и моей дочерью, когда там еще жила самая младшая мамина сестра тетя Нина, а перед этим я не был в деревне больше тридцати лет. Тогда поездка тоже заставила меня многое переосмыслить в своей жизни и принять важные решения. Не знаю почему, но уже сама дорога к своим истокам настраивала, если не на подведение итогов, то хотя бы на анализ того, что успел сделать за прожитые полвека.

Интересно, как только я начинаю всерьез задумываться над прошедшими годами, мне, подобно Барону из известной пьесы Горького, представлявшему свою жизнь как череду бесконечных переодеваний, кажется, что я тоже занимался чем-то ненастоящим или «играл в тряпочный». Так во времена моего детства говорили о тех, кто плохо играл в футбол, имея в виду, что перед тем, как начать гонять настоящий мяч, бывший редкостью, надо научиться управляться с малышкой в тряпочную самоделку.

Все, что я сделал и чего «добился» в жизни, совершалось исключительно с Божьей помощью мною самим, без какой-либо протекции. Не было никакой «руки» или «подпорки», но ощущение, что меня кто-то опекает, присутствует постоянно. При этом казалось, что занимаюсь чем-то игрушечным, никому ненужным, а другие делают нечто настоящее, и мне тоже необходимо взяться за что-то важное. Пожалуй, лишь один раз в жизни мне удалось испытать удовлетворение от собственной значимости. Это было на целине во время работы комбайнером, но, кстати, тот знаменательный период моей жизни тоже связан с тем, что было заложено с детских лет в деревне. И сегодня мы снова едем на встречу со своим детством...

Из деревенского детства наиболее четко запомнился вкус свежего, только что испеченного ржаного хлеба. Помню потрясающий аромат вынимаемых бабушкой из печи хлебов, от которого кружилась голова у каждого из нас, семерых или восьмерых ее внучат, сидевших на печке и исходивших слюной в ожидании, когда, наконец, нам будет выдано по краюхе вожделенного хлеба с холодным молоком. Не знаю, каким образом я запомнил вкус того хлеба, но за то, что ничего подобного в жизни никогда не ел, могу поручиться.

Вообще вопрос детских воспоминаний представляется мне очень интересным и, на мой взгляд, заслуживает особого внимания. Из самого раннего детства у меня сохранилось три ярких вкусовых воспоминания и несколько событий, которые по всем канонам запомнить не мог, но запомнил.

Кроме хлеба, отчетливо помню еврейский борщ, который у нас называли украинским, со специями, в том числе с гвоздикой, и невесть с чем еще. Его готовила уже другая моя бабушка, в Москве. Третье воспоминание, как и второе, относится к концу войны и связано с американским колбасным фаршем, доставлявшимся в Советский Союз по лендлизу. У кого я его пробовал, не помню, но его вкус, как и вкус хлеба и борща своих бабушек, ощущаю настолько явственно, словно ел час назад.

Воспоминания о каких-либо событиях и действиях, конечно, могут быть более сомнительными. Мне самому иной раз они кажутся как бы вторичными, то есть кем-то когда-то рассказанными, запомнившимися уже в более позднем возрасте, и таких случаев большинство. При этом существуют на сто процентов мои собственные воспоминания, потому что они

зафиксировали не только и даже не столько само событие, сколько мое состояние при этом. А это вряд ли может передаться из рассказов.

Хронологически первое памятное событие относится к сентябрю 1941 года, точнее, к первой бомбежке Москвы. Мне тогда было чуть более двух лет, но отчетливо вижу себя, стоящего в кроватке с веревочной сеткой, черную тарелку радио над своей головой, издающую непонятные мне призывы, маму, судорожно хватающую какие-то вещи и меня. Затем стол во дворе нашего дома, на котором мама меня одевала, и дальше бомбоубежище в полуподвале дома, где было много-много людей и очень мало места. При всем этом какое-то жуткое ощущение тревоги, исходившее, по всей видимости, от мамы. Конечно, детали комнаты и двора столь четко запечатлелись, наверное, в связи с тем, что там было прожито еще почти двадцать лет, но меня никогда не покидала уверенность, что помню все это я именно с того дня. Последующие бомбежки уже не вызывали такой паники, и мама, наверное, так не пугалась, поэтому другие случаи в памяти настолько четко не сохранились.

Моя мама. 1936 год

Второе, не менее яркое мое воспоминание относится к четырехлетнему возрасту и связано тоже с неординарным событием в жизни нашей семьи – с кражей. Очень хорошо помню, что папы в Москве не было, а мы с мамой ходили в цирк. Само по себе такое событие в жизни ребенка военного времени должно было запомниться надолго, тем более что выступал знаменитый клоун Карандаш, были звери, лошади и еще много-много интересного. Но то, что мы обнаружили по возвращении домой, заслонило все виденное в цирке. И в этом случае я склонен отнести произведенный эффект не к тому, что увидел, а к тому, как отреагировала на произошедшее мама. Картина, представшая перед нами, была мне мало понятна. Дверь в нашу комнату открыта, внутри беспорядок, чего не было, когда мы уходили. Причем дверь в квартиру оставалась запертой на все замки, и соседи, которые не были в эвакуации или на фронте, в полном составе находились дома. Ну, а дальше последовали вызов милиции, описание украденного имущества, а это практически все, что можно было унести, обсуждение события с соседями, а главное, жуткая атмосфера всеобщего недоверия и отчужденности. До этого случая наша пятикомнатная коммунальная квартира жила, если не как единая семья, то, по крайней мере, очень дружно.

Жуликов, конечно, не нашли, да, думаю, не очень-то искали. Дело это было для военной Москвы обычное, и мало кого интересовало, что моим родителям нужно снова собирать по крохам все необходимое для жизни. Милиционеры, по-видимому, решили, что, поскольку не взломана входная дверь, это работа кого-то из своих, а значит, пусть сами и разбираются. Это так навсегда и осталось тайной, хотя мама была уверена, что кражу совершил брат одной из наших соседок Марфы Петровны Глебовой. Он иногда приходил к сестре и мог достать ключи от входной двери. Правда, подозрения не испортили наших отношений с членами этой семьи до самых их последних дней, но об этом отдельный разговор.

Вообще моя мама обладала удивительной способностью дружно и практически бесконфликтно жить с окружающими, но это мое личное мнение, так как объективностью в отношении своей мамы я не грешу, да и плохо себе представляю, как можно быть объективным к человеку, давшему тебе жизнь.

Когда я появился на свет, моей маме, Елене Андреевне, в то время Князевой, было почти двадцать шесть лет.

Родилась она 21 июля 1913 года в большой крестьянской семье, в деревне Шишлово Урусовского уезда Тульской губернии, куда мы теперь и направлялись. Деревня по тем временам была сравнительно небольшая, причем Князевыми там были, наверное, около половины жителей. Откуда корни этих Князевых, я так и не выяснил, впрочем, и не пытался. Хотя, конечно, было бы интересно узнать, какому князю принадлежали мои предки. Фамилия для Руси весьма распространенная и типично среднерусская. А вот фамилия нашей бабушки Марии Никитичны (она была из той же деревни), Гранаткина – более оригинальная, но тоже иногда встречается. Правда, о ее корнях пока догадаться не могу. Нужно будет покопаться в словарях и работах по антропонимике.

К сожалению, мои воспоминания, да и все сведения о наших корнях обрываются на бабушках и дедушках, слава Богу, что хоть с той и другой стороны. Далеко не каждый представитель моего поколения обладает сведениями о своей родословной даже в таком объеме. Особенно в такой смешанной семье, как наша: мама – русская, папа – еврей. Но этой смешанности я не чувствовал до самого поступления в школу.

Семья моего дедушки по маминой линии Андрея Филипповича Князева была большой и работающей, так что к моменту коллективизации имела довольно крепкое хозяйство. Наличие пары лошадей, коровы, овец, множества мелкой живности и приличный кусок земли позволяло обеспечить семью, в которой, кроме своих семерых детей (одна дочка умерла), жили дедушкин брат Иван Филиппович с семьей и кто-то еще из близких родственников, дать возможность

детям получить кое-какое образование. А мой дядя Спиридон после возвращения с Первой мировой войны и женитьбы даже смог уехать в Москву учиться и работать.

В колхоз дедушка не пошел, и довольно скоро кто-то написал куда следует, что он кулак и мироед. Деда забрали и отвезли в районный центр, откуда, вместе с другими такими же «кулаками» отправили в расторгую тюрьму под Москвой. Правда, через полгода он вернулся и, ни с кем не разговаривая, отвел всю свою животину вместе с упряжью и скарбом на колхозный двор. На этом, как и для многих российских крестьян, закончилось благополучие семьи Князевых.

Мама моя к тому времени уже давно жила в Москве у брата, нянчила своего первого племянника Мишу. После споров между двумя сестрами-погодками, мечтавшими выбраться из деревни, кому из них ехать в няньки, в столицу отправили старшую, которой было чуть больше одиннадцати лет. Правда, тетя Полина всю жизнь утверждала, что если бы Лена не была любимицей Спири, первой в Москву отправилась бы она, а так ей удалось уехать из деревни значительно позже.

Мои двоюродные братья Миша и Толик Князевы

В Москве главными воспитателями мамы стали брат Спиридон и его жена Мария Кузьминична, до замужества Симонова, из соседней с Шишлово деревни Истомино, для меня тетя Маруся. Она потеряла мужа и обоих сыновей во время войны. В самом ее начале пропал без вести дядя Спирия, в 1942 году в госпитале умер от ран старший сын Миша, а в 1944 погиб младший – Толик, которому к тому времени едва исполнилось девятнадцать лет. Тетя Маруся осталась одна. Были у нее еще два родных брата, племянники и племянница, а в конце пятидесятых годов появился и приятель Андрей Семенович, как мне помнится, очень ТИХИЙ И приятный человек, который умер через пять или шесть лет. Самым близким и доверенным человеком для тети Маруси навсегда осталась моя мама. В 20-е же годы Мария Кузьминична на правах старшей воспитывала свою золовку, иногда и наказывала, наверное, не всегда справедливо, но главное, что мама смогла учиться, окончить рабфак, получить специальность чертежника и вполне сносную по тем временам работу в каком-то конструкторском бюро.

Моя бабушка Мария Никитична и ее сын, мой дядя Спирия – Спиридон Андреевич Князев

Судьба моих родственников по папиной линии складывалась несколько иначе, хотя так же типично для еврейского семейства в России начала и середины прошлого века, как и судьба маминых родственников для русской крестьянской семьи. Мой папа, Наум Моисеевич Каминский, родился 21(7) мая 1909 года в городе Елизаветграде (позднее Кировоград) на Украине, в так называемой черте оседлости евреев. Его отец, Моисей Наумович, был, как рассказывали, человеком мягким и покладистым, но, видимо, не слишком везучим, и, работая маклером на бирже, не очень преуспевал. Несмотря на это, до революции содержать семью, состоявшую из жены и троих детей, он все-таки мог. Ну, а после революции, не знаю точно в каком году, они вынуждены были собрать свои пожитки и перебраться в Москву к бабушкиному брату, подальше от частой смены властей и ожиданий неизбежных еврейских погромов со стороны каждой из них. С тех пор наша семья стала близка в основном с бабушкиными родственниками, а следов родни со стороны Каминских у меня сегодня нет. Имеется, правда, предполо-

жение, что дедушкиным братом был Григорий Наумович Каминский, тоже родом из тех мест, что и мои родственники, один из руководителей ВКП(б), с 1937 года нарком здравоохранения СССР, расстрелянный в феврале 1938 года по приказу Сталина. Однако, кроме некоторого внешнего сходства по фотографиям и сведений о том, что у дедушки действительно был брат примерно того же года рождения, пока никаких доказательств этому не имею. Тетушки мои и мама об этом либо ничего не знали, либо, скорее всего, до конца своих дней боялись что-нибудь сказать о бывшем враге народа, хотя и реабилитированном в 1957 году.

Мои родственники с папиной стороны: дедушка, бабушка, папа и все его родные и двоюродные сестры и братья. Приблизительно 1928 год

Григорий Наумович Каминский – первый народный комиссар здравоохранения СССР и Валерий Наумович Каминский – инженер НАТИ, приблизительно в одном возрасте

Папа был в семье единственным сыном, что, конечно, во многом определяло почтительное отношение к нему всей родни, но и его самого ко многим обязывало. Учился он хорошо, особенно интересовался математикой, и с детских лет, как мне рассказывали тетушки, решил стать бухгалтером, чему способствовало общение с соседом, занимавшимся этим делом. Времена были нэповские и увлечение подобной деятельностью вполне объяснимо и оправданно. После школы папа поступил в коммерческое училище и, окончив его с отличием, устроился на работу в какую-то торговую организацию, что сулило ему возможность не только обеспечивать себя, но и стать в определенной мере опорой для всей семьи.

Как и где познакомились мои родители, мне не известно, но уверен, что их встреча была предопределена. Папа, хоть и не вышел ростом, но был обаятелен, остроумен, отслужил в армии танкистом на Дальнем Востоке и, по словам мамы, очень нравился девушкам. Ну, а мама была настоящей красавицей и обладала незаурядным природным умом. Не знаю точно, какие именно сложности, связанные с различиями в национальности, возникли на первых порах супружества моих родителей, но то, что они существовали, мне известно достоверно. Какие-то их признаки я неоднократно улавливал, когда начал кое-что сам соображать, поскольку от родителей об этом никогда не слышал. Мои бабушки и дедушки ничего тоже при мне на эту тему не говорили, и у меня сложилось впечатление, что они нормально воспринимали эту семейную ситуацию, но другие родственники и знакомые иногда высказывались на этот счет.

Так, однажды в деревне я слышал, как кто-то из маминой родни говорил моей бабушке: «Какой у твоей Ленки хороший муж, и к нам ко всем добрый, внимательный, простой, никогда бы не подумала, что еврей». В ответ бабушка, пропустив мимо ушей последние слова, тоже стала перечислять папины достоинства. Но это уже мои послевоенные воспоминания.

Мой папа – танкист на Дальнем Востоке

Если же вернуться к довоенному периоду, а точнее к концу июня 1939 года, то мне известно, что мама перед родами и первое время после них, жила у папиных родителей. Папа в это время был в тюрьме, куда, по рассказам моих родственников, он попал по какому-то доносу, связанному вроде бы с его работой, что было тогда в порядке вещей. Более странным стало то, что в 1940 году его все-таки выпустили, да еще и оставили работать бухгалтером в какой-то московской колонии, кажется, сразу на Шаболовке.

А 24 июня 1939 года в Москве, в роддоме Староекатерининской больницы на Екатерининской улице, родился я. День, как вспоминала мама, был очень хороший, но беда в том, что

роды начались утром во время пересменки персонала. Если бы не один врач-акушер, случайно обративший внимание на мою терпеливую маму, не появиться бы мне на свет живому. Но, слава Богу, все обошлось, и в 9.30 утра я возвестил криком свой приход в этот мир. Маму после пережитых мучений и волнений за меня очень обрадовал приход бабушки, которая принесла ей с базара свежую клубнику. С тех пор у нас в доме так и считают, что в Москве первая клубника появляется точно к моему дню рождения.

Пока папы не было, со мною управлялась мама с помощью бабушки и папиных сестер. Они же, сообща, придумали мне имя в честь знаменитого в то время Валерия Павловича Чкалова, что и в дальнейшем во многом определило мое отношение и к профессии летчика, и лично к моему легендарному тезке.

«На добрую память бабушке и дедушке от внука Лерика. 10.08.40»

Когда наступило время маме идти на работу, она собрала мои манатки и отвезла меня в деревню к своей маме, где за мое воспитание принялась ее родня. Главным моим наставником, кроме бабушки, стала младшая мамина сестра, моя тетя Нина, для которой я до последних ее дней оставался любимым племянником. Она же стала моей крестной, так как первое, что сделала бабушка, было мое крещение втайне от мамы.

Этого периода своей жизни, я, естественно не помню, но был он, наверное, счастливым и безмятежным, поскольку и в этой семье меня все любили и носились со мной как с писаной торбой. Сохранилось несколько фотографий, сделанных то ли в Урусове, то ли в деревне, присланных тетей Ниной маме в Москву, на которых изображен я с бабушкой и тетей Ниной, с надписью на оборотной стороне: «Валерочка шлет привет маме. 11 мая 1941 года».

Бабушка, тетя Нина и я. 11 мая 1941 года

В начале войны моя жизнь в деревне, наверное, тоже ничем не отличалась от довоенной, и родителям было даже спокойнее, что я там, но когда к концу лета стали поговаривать о том, что немцы могут прийти и до тулыщины, мама приехала за мной. Недолго думая, дедушка выпросил в колхозе лошадь с подводой, и в один из дождливых августовских дней отвез нас с мамой в Венев, где посадил на поезд, шедший в Москву.

Немцы же, действительно, в конце осени дошли до нашей деревни и, хотя пробыли там сравнительно недолго, всего около двух недель, да и была-то обычная армейская часть, а не каратели, недобрую память о себе оставили надолго. Правда, виной тому были скорее не немецкие солдаты, а суровая русская природа, которая заставила их вырубить на дрова не только небольшую рощицу в окрестностях деревни, но и великолепный колхозный сад, который так больше никогда и не восстановили. Из моих родственников под немцем никто не пострадал, так как брать у них было нечего, а старенькая изба, крытая соломой, никого не привлекла даже для постоя.

Мы же с мамой тем временем, прожив в Москве около месяца и узнав, что такое бомбежки, затемнение и другие «прелести» приближающегося фронта, поехали вслед за папиной родней в эвакуацию. Челябинск, где приютились бабушка с дедушкой и двумя моими тетюшками, встретил нас неприветливо – холодом и голодом первой военной суровой уральской зимы. К тому же, простудившись в дороге, я тяжело заболел и из-за температуры под сорок градусов, не приходил в сознание. Врач, которую вызвала бабушка, поставила двустороннее крупозное воспаление легких и больше не появлялась. Антибиотиков тогда никаких еще не было, и как мама с бабушкой меня выходили одному Богу известно, но где-то на вторую неделю температура начала немного спадать, и ко мне вернулось сознание. Рассказывали, что первыми словами, которые я, очнувшись, произнес, были: «Баба, а нету у нас чего-нибудь покушать?». Бабушка, услышав это, заплакала, схватила свою единственную пуховую шаль, побежала на рынок и выменяла ее на стакан риса. Через месяц, когда я уже начал основательно поправляться, появилась врач, чтобы узнать, когда умер ребенок. После такого вопроса моя бедная бабушка буквально спустила ее со второго этажа, сопровождая свои действия всеми известными в интеллигентной еврейской семье ругательствами.

Так, продавая вещи и подрабатывая какими-то кустарными промыслами, перебивалась вся большая семья. Мама на работу устроиться не смогла, поэтому, когда после моего выздоровления приехал кто-то от папы и предложил нам перебраться в Свердловск, она с удовольствием забрала меня и перекочевала туда, где нас приняли как официально эвакуированных. Маму взяли на работу, выдали рабочие карточки, а меня даже устроили в детский сад, что было неслыханным благом, поскольку там кормили значительно лучше, чем мама могла бы это сделать дома.

Детский сад я тоже запомнил на всю жизнь, и это практически второе мое собственное воспоминание, так же ярко запечатлевшееся в сознании, как первая московская бомбежка. А запомнился он мне, прежде всего, потому, что каждое утро меня отрывали от мамы. Это для меня было мучительно, я с нетерпением ждал окончания дня, когда за мной, наконец, придет моя мамочка. Относились там ко мне хорошо, но все мои мысли были только о том, сколько времени осталось до прихода мамы, а все, что давали детям по тем временам вкусного, оставлял для нее, будь то бублик или сухарик, которые она, конечно, скармливала дома мне же.

Между тем папа продолжал работать в Москве на той же Шаболовке. Неоднократные рапорты об отправке на фронт не помогали, несмотря на все танкистские специальности, которыми он обладал. Бухгалтер на производстве ракетных снарядов для «катюш» был, наверное, нужнее, чем танкист на фронте. К тому же там, где надо, не забыли еще о его судимости 1938

года. Папа в этой связи, видимо, основательно переживал, быть может, даже испытывал чувство вины перед окружающими, тем более что уже погиб его двоюродный брат Иосиф, пропал без вести мамин брат Спира, с первых дней воевал его большой приятель, муж сестры, Саша. Объяснить причины, по которым не был на фронте, папа не мог даже близким, поскольку деятельность колонии осуществлялась в режиме строжайшей секретности. Между прочим, о том, что он работал на производстве ракетных снарядов, я узнал совсем недавно и совершенно случайно, когда отмечался какой-то юбилей ракетных войск.

Почти с самого начала войны папа находился на казарменном положении, но к концу 1942 года, когда немцы были уже отброшены от Москвы, и бомбежки не были такими страшными, как годом раньше, вопрос эвакуации производства Шаболовской колонии за Волгу отпал, и вольнонаемных работников стали отпускать на ночь домой. В это же время выпала командировка в Свердловск папиному приятелю Льву Борисовичу Когану, который нашел там нас с мамой и взялся отвезти в Москву, хотя ни пропуска, ни билета мы не имели. На столь рискованный поступок могла решиться только моя мама, и о своем путешествии с Урала в Москву она и Лев Борисович впоследствии вспоминали при каждой встрече. Вспоминалось и то, как ее прятали от патруля ехавшие с нами солдаты, и то, как скрывали меня, хотя это было еще труднее, ведь трехлетнему ребенку не объяснишь, что его везут «зайцем», и то, как мы все же благополучно добрались до Красной Пресни. Там, в доме номер 28, с магазином, прозванным «три поросенка», за то, что когда-то было выставлено в его витрине, с тремя проходными дворами, с подвалами и чердаками, парадными и черными ходами, в пятикомнатной коммунальной квартире номер 18 прошли все мои детские и юношеские годы.

До революции это был большой доходный дом со сравнительно комфортабельными квартирами от трех до пяти жилых комнат. Одна из таких квартир на втором этаже (если не считать полуподвал) с окнами, выходившими не на шумную Пресню, а в тихий проходной двор, была наша. Мы занимали в ней крохотную восьмиметровую комнатку, похожую на пенал, которая находилась возле кухни, в былые времена предназначалась то ли для ванной, то ли для прислуги и имела две двери. Одной, выходившей в коридор, мы пользовались, а вторая, ведущая на кухню, была забита и со стороны комнаты заделана фанерой. На кухне около этой двери стоял наш стол-гумбочка со всей посудой и одна табуретка.

Примерно такие же столы были у всех наших соседей. Кроме того, на кухне имелось две газовые плиты, одна раковина с краном холодной воды и дверь черного хода, закрытая на ключ и большой стальной крюк. Пользовались ею крайне редко, и она была заставлена всяческим бытовым хламом, необходимым в хозяйстве – разными баками, кастрюлями, швабрами и тазами. Та же картина наблюдалась и в двух больших, по сравнению с нашей комнатой, коридорах, где возле каждой двери, помимо вешалок с одеждой, стояли сундуки, корзины, ящики и другие вместилища различного добра и скарба, накопленного жильцами за многие годы. Очень хорошо помню наш ящик, стоявший у входа в уборную, напротив двери в нашу комнату, на котором в мои школьные годы мама разрешала играть всем детям квартиры, а было нас семеро, при этом к кому-нибудь обязательно приходили друзья из соседей. В комнатах у всех было тесно, поэтому единственным местом для детских игр служил коридор. Причем именно наш «большой» коридор, в который выходило три комнаты, кухня и туалет, в отличие от второго «маленького», где помимо входной двери было еще две комнаты, в том числе самая большая в квартире, где жила наша вечная детская противница Ася Лазаревна. Она не разрешала детям играть возле своей двери и, если не дай Бог, мы там оказывались, нам доставалось не только от нее, а и от наших родителей тоже.

Все это было позже, а в середине войны из детей в квартире я был единственным до тех пор, пока в октябре 1943 года у меня не появилась сестра, которую по моему желанию называли Милой. Полное имя Людмила, но у нас в семье ее так никто не зовет. Событие это для нас было неординарным, и мне на какое-то время пришлось перебраться к вернувшейся в Москву

бабушке на Екатерининскую улицу, поэтому основные хлопоты в связи с прибавлением нашего семейства прошли в тот раз мимо меня.

В начале 44-го года, когда папу перевели из Москвы в Обнинское Калужской области главным бухгалтером детской колонии, наша жизнь основательно изменилась. На то время это был маленький поселок, даже не городского типа, где, кроме детской колонии, расположенной в здании бывшей дворянской усадьбы, и нескольких десятков домов на берегу речки Протвы, в которых жили работники колонии, ничего не было. Мы занимали квартиру из двух или трех комнат на первом этаже двухэтажного деревянного дома. Были еще закрытая терраса и кухня с большой голландской печью, плита которой выходила на кухню, а одна из стенок в общую комнату, где стояли круглый стол, буфет, широкий кожаный диван и этажерка для книг. Как выглядели спальные комнаты, и сколько их было, не помню, но, наверное, все-таки две, поскольку, когда с нами жила бабушка, у нас оставалось место для гостей на диване в общей комнате. Гости почему-то у нас бывали часто, и не только обнинские, но и из Малоярославца и Москвы, военные и гражданские, тыловики и фронтовики, незнакомые мне и родственники. По-моему, это был единственный период, когда размеры квартиры позволяли папе принимать дома всех своих друзей и знакомых, которых у него всегда было много.

Каких-то общих событий этого времени в памяти не сохранилось, а несколько частных эпизодов моего детства представляют интерес только для меня. Так, я почему-то запомнил, как ходил с кем-то на ночную рыбалку и что в то время в Протве водились не только плотва и пескари, но и налимы, и огромные сомы, и даже раки. Помню, как мне сделали военный костюм: гимнастерку с погонами младшего лейтенанта, галифе, сапоги, настоящий офицерский ремень с португеей и кобурой, и я в этом обмундировании пошел провожать папу, который должен был куда-то ехать, кажется, в Малоярославец. Но когда он садился в машину, черную, блестящую «эмку», я нечаянно подставил руку в дверь и мне ее прищемили. Было страшно больно, папа уехал, а я бежал по лесу домой, горько плакал от боли и обиды, держа перед собой распухшую руку, споткнулся о корень сосны, упал, разбив еще и нос, испачкал кровью весь свой новый костюм.

Был еще один эпизод, тоже связанный со случайной травмой, которая на долгие годы стала темой воспоминаний и рассказов в нашей семье, а мне оставила пожизненные шрамы на ногах. В одно из летних воскресений, когда вся наша многочисленная семья, включая бабушку и тетюшек, приехавших в гости, пила чай, я, как всегда, ревнуя маму ко всем сидевшим за столом, залез к ней на колени, но через какое-то время решил пойти играть. Мама, чтобы меня выпустить, отодвинула стул, на котором сидела, и поставила меня, но не на пол, а прямо двумя ногами по колено в огромный горячий чайник, снятый минуту назад бабушкой с плиты и оставленный под стулом, чтобы никто его не опрокинул. Все происходившее дальше легко представить, и неизвестно, чьих слез и крика было больше – моих или бабушкиных, считавшей себя виновницей несчастья. Не сразу сообразили, что нужно делать, в суматохе потеряли много времени, и чулки с ног снимали уже вместе с кожей. Дальше помню только, как долечивался, когда меня перестали преследовать кошмары, подобные тем, что были во время пневмонии. Вопрос о жизни и сохранении ног уже не стоял, но лето победного года для меня пропало полностью.

Новая лейтенантская форма мне очень нравилась. 1945 год

Я стараюсь придать и обнинским воспоминаниям какую-то хронологическую последовательность, хотя значения это никакого не имеет, просто так легче вспоминать. Так вот, следующее весьма важное для меня событие, запомнившееся на всю жизнь и послужившее мне хорошим уроком, произошло, видимо, осенью того же года. Дело в том, что в обнинской детской колонии, как и в той, что на Шаболовке в Москве, изготавливались снаряды. А в конце

войны колония получила задание об освоении мирной продукции, которой стали симпатичные радиодинамики в разноцветных пластмассовых корпусах, наверное, по какой-нибудь немецкой технологии. Эту продукцию уже не скрывали, показывали всем опытные образцы, и даже сфотографировали с ними все руководство колонии. Однако осенью у нас дома я услышал разговор папы с кем-то из начальства о том, что колонию ликвидируют, а на ее месте пленные немцы будут строить какой-то секретный объект. Думаю, я бы не придал этому разговору никакого значения, если бы не слова «пленные немцы», которые не могли мне не запомниться. Все, что было связано с немцами, или на нашем детском языке фрицами, нас страшно интересовало, так как мы не представляли их нормальными людьми. В нашем воображении они рисовались страшными и звероподобными. Такое представление усугублялось еще и видом огромной немецкой самоходной артиллерийской установки мрачного грязно-желтого цвета, подбитой на одну гусеницу и брошенной фашистами при отступлении в начале 1942 года. Она стояла в лесу недалеко от нашего дома, и мы с ребятами часто играли там, изображая попеременно, то наших, то немцев, находили стреляные гильзы, патроны и много других интересных и ценных для нас вещей, свидетелей недавних боев.

Руководители Обнинской детской колонии с новой мирной продукцией. Мой папа – крайний справа. 1945 год

При очередном разговоре папы при мне с кем-то из сослуживцев, я поспешил поделиться известной мне информацией о том, что будут строить здесь пленные немцы. За все мои первые шесть лет жизни никто ни разу, ни за что меня серьезно не наказывал, но тут я получил такую порку, о которой не забуду до конца своих дней. Причем, сначала я просто не понял, за что папа так на меня рассердился, ведь я сказал правду, которую услышал от него самого, и только позже до меня дошло, что нельзя совать свой нос в разговоры взрослых, и что существуют вещи, о которых нельзя говорить кому попало. При этом, конечно, я не мог еще понять, какую страшную судьбу не только папе, но и себе, я мог нечаянно уготовить одним этим неосторожным детским хвастовством. Это был урок не только для меня, но, думаю, и для моих родителей, по крайней мере, при мне ни о чем недозволенном никогда больше не говорилось.

Через несколько месяцев новость, за которую мне так досталось, перестала быть тайной. В поселке действительно появились первые отряды пленных. Жили они в специально построенных бараках, их охраняли новые солдаты с собаками и автоматами. Оказалось, это были обыкновенные люди, только говорившие на другом языке и не понимавшие почти ничего по-русски. Неприязнь к ним и страх первых дней постепенно сменились сначала просто интересом, потом жалостью и сочувствием, но ненависти, которая, казалось бы, должна была остаться к фашистам навсегда, по отношению к конкретным людям, которых мы видели каждый день, не было.

С каждым днем в поселке становилось все более шумно и менее уютно, а детская колония начала с наступлением весны готовиться к ликвидации. Эти проблемы коснулись не только работников колонии, но и членов их семей. Так, постепенно стали уезжать жители нашего дома, а с началом лета начали готовиться к переезду и мы, папу тоже переводили на работу в Москву.

Мама постепенно упаковывала вещи, передвигала мебель, активно, как всегда, занималась всякой хозяйственной работой, забыв о том, что ждет ребенка, в результате чего в конце июня папе пришлось на месяц раньше положенного срока везти ее в роддом Малоярославца. И вот, 28 июня у нас с Милой появился брат. При этом все вокруг упорно говорили о том, что семимесячные дети выживают как нормально доношенные, а восьмимесячные, как правило, не живут. При всей непонятности для нас с сестрой этих формулировок, мы видели, что папа очень беспокоился, каждый день ездил в Малоярославец, хотя, как я теперь понимаю, толку там от него особого не было. Но, слава Богу, несмотря на родовую травму, Миша, как называли нашего брата, выжил, хотя и доставил немало хлопот работникам роддома и волнений родным, и мы, наконец, все вместе поехали забирать его с мамой домой.

Легковой машины к тому времени в колонии уже не было, и мы, помню, ехали на грузовике, кажется «Студебеккере». Всю обратную дорогу мы с папой стояли в кузове среди каких-то бочек, а вдоль дороги навстречу неслись летние цветы, ветки, птицы и белые-белые березы, и настроение у нас с ним было такое же радостное, как этот день и эти красавицы березы.

Через несколько дней мы навсегда оставили поселок Обнинское, который через десяток лет превратился в большой научный город Обнинск с первым в Советском Союзе атомным реактором, построенным с помощью тех самых пленных немцев на месте бывшей детской колонии, и никто из нашей семьи больше никогда там не бывал.

Из Обнинского мы поехали в деревню, где папа оставил нас всех на попечение маминых родственников, пополнив буквально нищую крестьянскую избу не только четырьмя нахлебниками, но и кое-какой мебелью из нашей обнинской квартиры и продуктами, которыми удалось отоварить все летние карточки нашей, теперь уже, можно сказать, большой семьи. И эта изба на целых четыре лета стала для меня родным домом и первым моим жизненным университетом, в чем-то, быть может, и определившим, если не всю мою дальнейшую судьбу, то, по крайней мере, многие ее этапы...

Мама, 1948 год

Часа через два наши машины свернули с трассы, и мои спутники постепенно начали просыпаться. После Венева замелькали знакомые названия: Урусово, Истомино, Подосинки... Но ни одного узнаваемого пейзажа или вида. И вот, наконец, указатель – Шишлово.

Пытаюсь найти что-нибудь знакомое, но слева стоят однотипные белые домики на две семьи, справа – поле, покрытое грязным снегом, а немного впереди длинные ряды фермы со всеми необходимыми хозяйственными постройками: хранилищами сена, силоса и других кормов, водонапорная башня – всего этого не было даже десять лет назад.

Наш двоюродный брат Николай встречает гостей

Мне показалось, что это не Шишлово, а Хрущевка, но самая окраина, которая в наши времена не была еще застроена, поэтому немудрено, что я не могу ничего узнать. Значит, из двух соседних деревень сделали одну, слава Богу, оставив название нашей.

Вдруг, неожиданно для меня, Мишина машина, которая шла впереди, остановилась около одного из домиков с левой стороны, и Андрей, наш племянник, сын Шуры, первым выскочил из нее и, как к себе домой, побежал к калитке. Я подъехал следом за Мишей, и мы все высыпали из двух машин незванными гостями к нашему двоюродному брату Коле. Пока мы перебрались через кювет и преодолели лужу перед калиткой, Андрей предупредил хозяев о нашем приезде, и навстречу нам уже выходили все обитатели левой половины дома.

Москва-Протвино

Февраль 1995 г. – Март 1996 г.

Красная Пресня

Всякий раз, проезжая в Москве по третьему транспортному кольцу, мимо самой грандиозной столичной стройки, так называемого «Москва-Сити», я невольно вспоминаю о том, что было здесь до этих «лужковских» небоскребов.

А раньше на этом месте был огромный зеленый массив – парк культуры и отдыха «Красная Пресня» – не такой большой и нарядный, как ЦПКиО им. Горького, но очень уютный, в меру обустроенный аттракционами, беседками и павильонами, с кинотеатром и зеленым театром, с прудами и выходом к Москве-реке, без набережной и мраморных ступеней. Зимой здесь, как и в парке Горького, из всех аллей и дорожек делали один большой каток. Мы с друзьями в школьные годы проводили там много времени, хотя от дома и школы это было не очень близко, три-четыре остановки на трамвае или больше двадцати минут пешком. Кроме массовых катаний, здесь у нас проводились занятия на лыжах, а соревнования устраивались прямо на Москве-реке.

Помимо спортивных, в парке для взрослых и детей работало множество других кружков, которыми руководили истинные энтузиасты своего дела. Например, эстрадным кружком руководил артист театра оперетты Илья Борисович Ильев. Он не был ведущим актером, играл второстепенные роли, но театр и оперетту любил страстно и старался передать эту любовь всем, кто приходил к нему на занятия в «зеленый театр» парка. Попали как-то к нему на репетицию и мы с моим приятелем Владиком Златоустовским, да так и застряли почти на полгода. Илья Борисович подготовил с нами несколько эстрадных номеров, с которыми мы выступали в концертах на сценах парка и в школах. Каждый из нас имел небольшую сольную программу, а на пару с Владиком мы читали стихи С. Михалкова «Фома» и С. Маршака «Мистер Твистер». Делали это с полной самоотдачей, имели успех у зрителей, словом, были востребованными исполнителями и ощущали себя приобщенными к театральному искусству.

Благодаря своему наставнику мы посмотрели практически весь репертуар театра оперетты. Он проводил нас по контрамаркам на спектакли, в которых участвовал сам, и устраивал где-нибудь на балконе или в осветительской. Моими кумирами сразу стали такие артисты, как Владимир Володин, Василий Алчевский, Серафим Аникеев. Они исполняли яркие характерные роли и, не имея особых вокальных данных, но будучи прекрасными комиками, отлично дополняли великолепную труппу артистов с Зоей Белой, Таисией Саниной, Татьяной Шмыгой, Николаем Рубаном, Алексеем Феона, Владимиром Шишкиным и другими.

Илья Борисович всячески поощрял наш интерес к оперетте, убеждал нас, что мы обладаем актерскими способностями и уговаривал поступать в театральный вуз. Я не очень-то верил в свою актерскую звезду, хотя какие-то данные, наверное, имел, и развить их помог Ильев. Мы обрели уверенность в себе, способность к публичным выступлениям и, разумеется, повысили самооценку. Причем до такой степени, что в десятом классе решили с Владиком все же попытаться счастья на театральном поприще. Илья Борисович посоветовал сдавать экзамены одновременно во все театральные вузы – в Щукинское, Щепкинское училища и в ГИТИС и помог нам подготовиться к творческому конкурсу. Нужно было читать басню, стихотворение и прозу. В моем репертуаре были «Контрабандисты» Э. Багрицкого, басня С. Михалкова, «Заяц и лев» и отрывок о Днепре из «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Н. Гоголя. Два тура мы успешно прошли во все вузы, а на испытания в третьем туре Владик отправился уже без меня – я предпочел пойти со школьными друзьями в поход, поскольку экзамен был назначен на 10 мая, а мы уходили на все майские праздники. Но главной причиной, конечно, был не поход, а то, что, насмотревшись на тех, кто с нами поступал, я решил, что в артисты должны идти по-настоящему талантливые люди. Жизнь показала, что оказался прав в своей оценке. Это был 1956 год, когда в «Щуку» и другие театральные вузы пришли очень талантливые ребята, из

которых выросла целая плеяда прекрасных актеров. Думаю, что в настоящем актере должна быть искра Божия. В наличии ее у меня я сомневался, а у Владика она, наверное, была – он окончил училище им. Щукина, стал актером, затем режиссером, много лет работал в «Ералаше», теперь на телевидении.

Мои школьные друзья Феликс Шушан и Алик Журинский

Помогла мне в принятии моего решения и судьба одной из наших одноклассниц Джеммы Осмоловской. Жанна, как ее звали в классе, училась в 81-й школе вместе с моими друзьями Феликсом Шушаном и Аликом Журинским. Дело в том, что в 1954 году объединили мужские и женские школы, а до этого обучение у нас в стране после войны было раздельным. До восьмого класса я учился в 95-й мужской школе на улице Заморенова, а после объединения часть наших мальчиков осталась там же, другие перешли в бывшие женские школы № 81 и № 86. Распределение было исключительно по территориальному признаку, кому куда ближе от дома. В результате у нас стало три своих класса, к нашим друзьям прибавились друзья и одноклассники еще из двух школ.

Джемма Осоловская в фильме «Повесть о первой любви»

Жанна была симпатичной девочкой, участвовала, как и мы, в самодеятельности. Кто-то из ее родственников был приобщен к кино, и Жанну пригласили на главную роль в фильме «Повесть о первой любви», после чего она стала кинозвездой. Затем снялась в фильме «Улица полна неожиданностей» с модным в те годы актером Леонидом Харитоновым, вышла за него замуж, родила. Несмотря на столь стремительный взлет, ее жизнь сложилась не самым удачным образом – совсем молодой, ничего не увидев и не узнав, кроме успеха в двух кинолентах, она оказалась с ребенком на руках и пьющим мужем, хотя и кумиром своего поколения. Пример Жанны показал мне обратную сторону актерства, побудил поставить окончательную точку на притязаниях в этой сфере и сделать выбор в пользу техники. Между тем кино сыграло в моей профессиональной судьбе немаловажную роль, но об этом чуть позже.

Помимо спортплощадок в парке, у нас на Пресне работало несколько спортивных комплексов – стадион «Красное Знамя» рядом с Краснопресненской заставой, стадион Метростроя около метро «Краснопресненская», открытый бассейн в Шмитовском парке. Кроме того, в некоторых школах района и студенческом общежитии в «новых домах» имелись хорошо оборудованные гимнастические залы. Все эти спортивные учреждения были общедоступны, и мы, с подачи наших учителей физкультуры, их активно посещали.

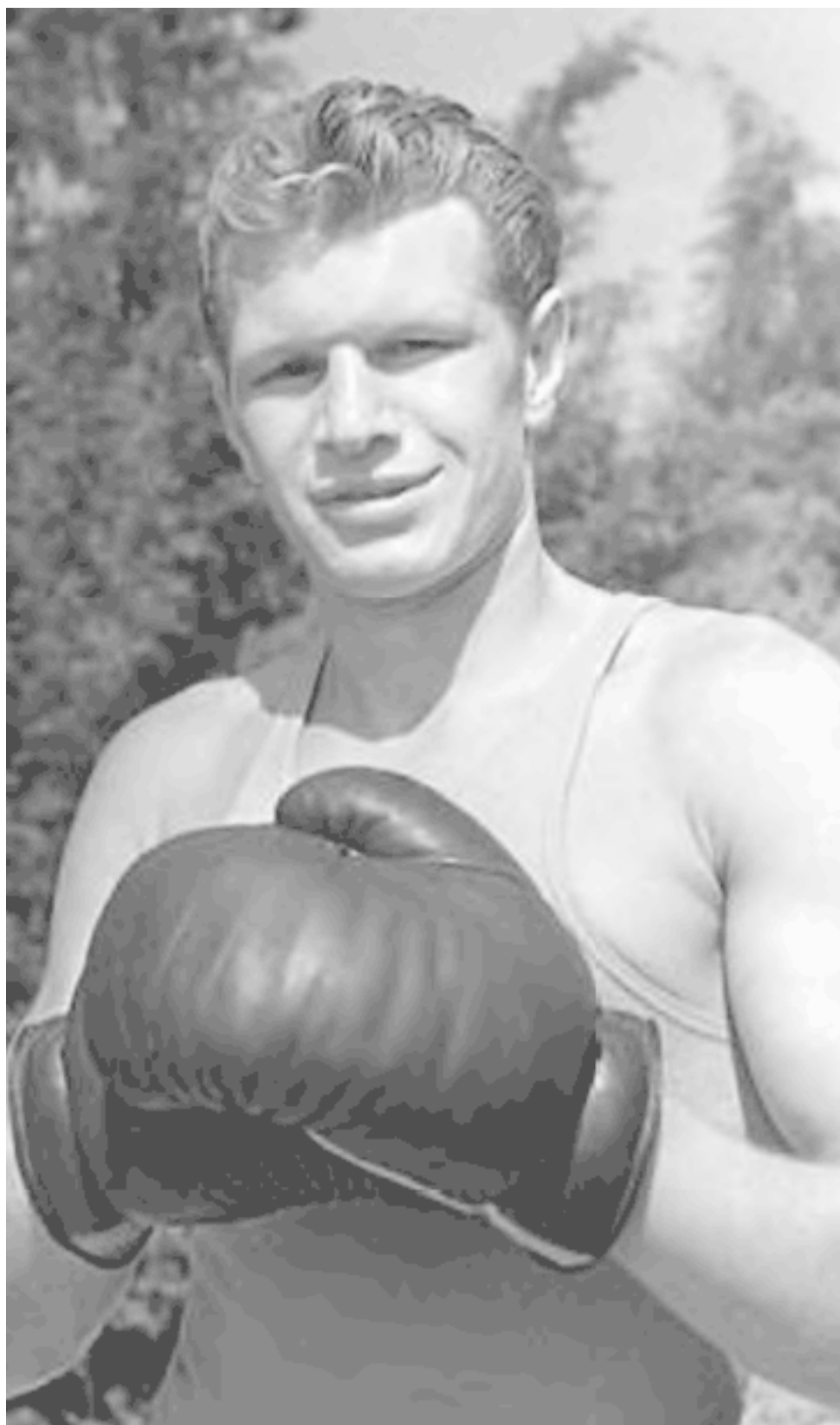

Стадион Метрострой (предположительно 1955 г.). Фото А. Агапова

Увлечение спортом было поистине массовым, и охватывало практически всех моих ровесников. Так, я занимался гимнастикой, сначала в своей школьной секции, затем в районной детской спортивной школе в спортзале студенческого общежития института физкультуры им. Лесгафта, откуда меня направили в городскую детскую спортшколу, размещавшуюся в средней школе № 57 на Арбате, в Староконюшенном переулке. Три раза в неделю пешком ходил на тренировки с Красной Пресни на Арбат через старые арбатские переулки, – это было еще до того, как их уничтожил Калининский проспект. Там я получил второй юношеский разряд в соревнованиях на первенство Москвы. Талантов особых не имел, поэтому, как я считал, для меня это было неплохо.

Все были более или менее равны в своих спортивных достижениях, за исключением одного нашего одноклассника. В пятом классе к нам пришел Боря Лагутин, с нами учился его брат Валя Лагутин. Борис проболел предыдущий год, и его оставили на второй год в пятом классе. Он был ровно на год старше меня – день рождения у нас 24 июня, и с ним как-то сразу сложились хорошие отношения. Меня к нему прикрепили помогать по математике, и мы с ним на этой почве сдружились. А после седьмого класса Борис решил пойти учиться в Электромеханический техникум, благо он был недалеко от Красной Пресни, на Малой Грузинской улице. В техникуме у него тоже не очень хорошо складывались дела, да и дома были материальные проблемы, поэтому Борис перешел на вечернее отделение и стал работать на 27-м заводе электромехаником.

Следуя нашему общему увлечению, Борис начал заниматься спортом – волейболом, футболом, хоккеем и лыжами, а затем пришел в бокс. Он попал в умелые руки тренера из спортивного клуба «Крылья Советов» Виктора Михайловича Тренина. Этот опытный специалист с говорящей фамилией заметил способности юноши и внушил ему веру в успех. Впоследствии Борис Лагутин совершил головокружительную карьеру, став двукратным чемпионом Олимпийских игр. Такие достижения – большая редкость для мирового бокса, а в нашей стране и на постсоветском пространстве до настоящего времени никто не смог повторить его успех. Позднее Борис окончил биофак МГУ, но свою дальнейшую деятельность связал не с наукой, а с развитием спорта. В 1991 году он организовал фонд «Оздоровление и спорт», один из немногих в России, который занимается возрождением физкультурно-оздоровительной базы страны.

Мой одноклассник Борис Лагутин

Для меня этот титулованный спортсмен, вошедший в историю всемирного спорта, навсегда останется Борькой Лагутиным, старшим братом Вальки, моим одноклассником и другом

детства. Кстати, во времена своего триумфа он оставался со мной таким же скромным и открытым парнем, каким я знал его в годы нашей школьной дружбы.

Что касается моих спортивных увлечений, то, кроме гимнастики, которой занимался более серьезно, я ходил на лыжах, бегал, прыгал, а вот с коньками у меня из-за плохих суставов возникла проблема. В то время не кататься на коньках было невозможно – зимой они становились неременной частью жизни. По вечерам все устремлялись в парк «Красная Пресня» либо в ЦПКиО им. Горького на катки, там знакомились, общались. Замечу, что тогда дети самостоятельно, без сопровождения взрослых передвигались по Москве. Не помню, чтобы существовали серьезные угрозы, хотя время было послевоенное. Мы с ребятами со двора спокойно ходили повсюду, меня мама безбоязненно отпускала.

Стремясь решить свои проблемы, я поступил в конькобежную секцию в Шмитовском парке, которой руководил известный на ту пору спортсмен Евгений Гришин – чемпион Европы по конькобежному спорту на короткие дистанции, бронзовый призер чемпионата мира. Я добросовестно посещал занятия до тех пор, пока шел период имитации, общей физической подготовки, изучения правил судейства в конькобежном спорте. Все у меня шло замечательно, Гришин был мною доволен, хвалил и ставил другим в пример до того момента, когда дело дошло до льда и нам выдали спортивные коньки. Поскольку я хорошо работал на тренировках, мне достались новенькие «норвеги» «03» (особый заказ), беговые с хорошими ботинками. Купить их было невозможно, а участникам секции они выдавались бесплатно. Вышли мы на лед, а я не могу ехать – ноги подгибаются и все, голеностопный сустав слабый. Тренер мне говорит: «...бери коньки, и пока не научишься на них нормально стоять, на глаза мне не появляйся». Весной вернул коньки, навсегда оставив надежду на успех в конькобежном спорте. Для себя я кое-как мог кататься, с болью в голеностопе, но сознаваться в этом было нельзя. В те годы, как я уже говорил, вся Пресня была на коньках, тем более что возможности для этого были – катки находились в шаговой доступности.

Были у меня и связанные со спортом не совсем спортивные истории. Одна из них произошла в девятом классе, в 86-й школе. У нас после объединения школ было четыре девятых класса, сформированных на базе женских и дополненных учениками из различных мужских школ района. При этом мальчишек было сравнительно мало, не больше семи-восьми в каждом классе. В моем классе «а» все мальчишки были из нашего дома или из ближайших дворов, а в остальных преимущественно с других улиц. Нельзя сказать, что мы враждовали, но и особой дружбы между нами не наблюдалось, присутствовало некоторое «межклассовое» соперничество. Понятно, что в каждом классе сразу появились свои неформальные лидеры. Где-то эта позиция осталась за девочками, а где-то ее заняли новые мальчики. Так, в классе «в» бесспорным лидером стал Эрик Дмитриев. Он был на год или два старше нас, к тому же занимался боксом и имел первый спортивный разряд, поэтому все, что он говорил, воспринималось многими как истина в последней инстанции, но на меня и моих одноклассников его влияние не распространялось. Как-то на перемене зашел разговор о разных видах спорта, и Дмитриев стал утверждать, что бокс – это вершина всего спорта, а боксер может абсолютно все. «А ты, – обращаясь ко мне, сказал он, – занимаешься гимнастикой, этой ерундой. Вот у меня и физическая подготовка, и выносливость, я что хочешь могу. У вас в других видах спорта совсем не то, а я любого из вас и в легкой, и в тяжелой атлетике обойду». По поводу последнего заявления ему возразил Гриша Гольдман из нашего класса, который как раз начал увлекаться культуризмом и активно наращивал мышцы в секции тяжелой атлетики. Он так же, как и я, был небольшого роста, но достаточно крепким и «накачанным», поэтому тему сравнений в этом виде спорта Эрик предпочел дальше не развивать, а предложил мне посостязаться в беге. Я, конечно, согласился пробежать с ним стометровку, причем на его условиях – проигравший ставит чекушку водки. Оба наших класса дружно поддержали эту идею, и после уроков все отправились на стадион «Красное Знамя», благо он находился через дорогу от школы.

Все организовали по-серьезному, отмерили сто метров на беговой дорожке, выбрали судей на старте и финише, остальные одноклассники расположились на скамейках для зрителей, предвкусывая серьезную борьбу. Наш класс, естественно, болел за меня, а «вэшники» – за Дмитриева. Но борьбы особой не получилось, поскольку я с низкого старта резко ушел вперед, и Эрик не смог даже близко сравняться со мной. Уже после тридцати метров стало ясно, что ему меня не догнать, а к пятидесяти метрам он просто сошел с круга. Я же под аплодисменты моих болельщиков успешно пробежал сто метров, подтвердив свое прежнее достижение на этой дистанции, равное всего-то нормативу третьего спортивного разряда. На следующий день после уроков наши классы вновь собрались во дворе школы, где дружно распили принесенную Эриком чекушку водки. Проиграл, так проиграл...

Однако история на этом не закончилась, поскольку простить мне своего проигрыша Дмитриев не мог. Рассчитался он со мной опять же не по-спортивному. На одном из ближайших вечеров, посвященном, кажется, Первомайским праздникам, он стал нарочито цепляться к моей девочке, Алевтине Ширяевой, что, естественно, заставило меня вступить за нее. Выяснять отношения в зале было не принято, пришлось выйти во двор школы, где боксер-перворазрядник врезал мне очень основательно. Апеллировать было не к кому – он выступал чуть ли не в тяжелом весе, а я не только по технике ни в какое сравнение с ним не шел, но и вес имел ближе к самому легкому. Так мы с ним и выяснили, какой вид спорта наиболее универсален и полезен. Но самое главное, что возможности заниматься спортом, даже в столь экстравагантной форме, у нас были буквально рядом. Разумеется, имеется в виду не мордобой, устроенный моим соперником, а забег на ближайшем стадионе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.